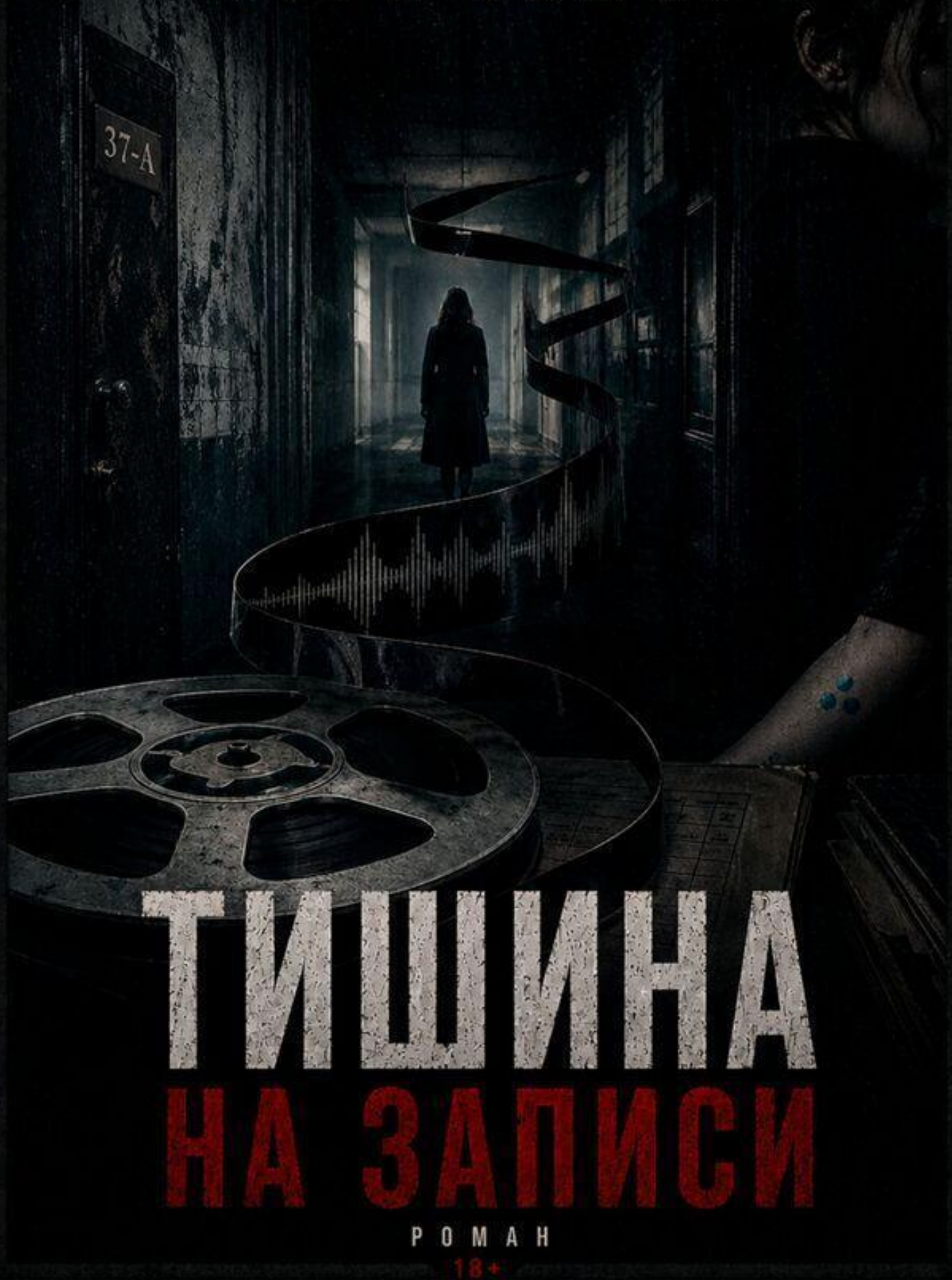

18+

СЕГА САШИН

ТИШИНА НА ЗАПИСИ

РОМАН

18+

Сега Сашин

Тишина на записи. Роман 18+

«Издательские решения»

Сашин С.

Тишина на записи. Роман 18+ / С. Сашин — «Издательские решения»,

Аудиокриминалист Вера находит катушку матери — 40 минут тишины, потом шёпот. Тот, кто слушает, получает три точки на запястье и однажды видит в своей квартире чужой стул. Стул — это договор. Сесть на него — согласиться исчезнуть. Вера не сядет. Но чтобы выжить, ей придётся расследовать дело, которое не числится в архивах: Кольская сверхглубокая, секретный бункер, человек, который сидит там шестьдесят лет.

© Сашин С.

© Издательские решения

Содержание

Пролог. Смерть Кристины	6
ЧАСТЬ ПЕРВАЯ. ДО	9
Глава 1. Жизнь до	9
Глава 2. Работа	10
Глава 3. Флешбэк. Мать Веры	11
ЧАСТЬ ВТОРАЯ. ТИШИНА ПРИХОДИТ	13
Глава 4. Катушка	13
Глава 5. Первая ночь	14
Конец ознакомительного фрагмента.	15

Тишина на записи

Роман 18+

Сега Сашин

18+

Дизайнер обложки Сергей Юрьевич Гурьянов

© Сега Сашин, 2026

© Сергей Юрьевич Гурьянов, дизайн обложки, 2026

ISBN 978-5-0070-3641-2

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Предупреждение: книга содержит сцены психологического ужаса, насилия и контент, предназначенный только для взрослых читателей.

Все события и персонажи являются художественным вымыслом. Совпадения с реальными людьми и событиями случайны.

Пролог. Смерть Кристины

Кристина разбирала квартиру матери спустя двадцать лет после похорон.

Квартира на окраине Екатеринбурга — панельная девятиэтажка с жёлтыми подтёками на фасаде, с запахом чужих котлет из вентиляции, с вечно сломанным лифтом. После смерти матери наследство формально разделили быстро: Вера забрала больничные вещи, Кристине досталась квартира и всё, что осталось внутри. Но ключи так и пролежали двадцать лет в ящике, завёрнутые в старый чек из гастронома.

Теперь пришлось. У мужа Кристины нашли камень в почке, платная клиника обещала сделать быстро и без очередей, а квартира стояла пустая, холодная, с обоями в цветочек, которые помнили 1980-й. Её надо было продать. Для этого — открыть шкафы, выгрести антресоли, вынести из дома всё, что семья два десятилетия делала вид, будто забыла.

Антресоли — царство старых книг в коленкорových переплётах, ёлочных игрушек из ваты и картона, журналов «Работница» и «Крокодил» за двенадцать лет. Там же лежала катушка.

Обычная катушка, синяя изолента, этикетка с выцветшими чернилами: «Скв. Кола-0. 24.04.64. 4110 м».

Кристина не знала, что это. Про Кольскую сверхглубокую она что-то слышала краем уха — глубоко бурили, что-то нашли, слухи про «колокола ада». Но «Кола-0» ни о чём ей не говорила. Позже Вера поймёт: дата на этикетке не совпадала ни с одной официальной статьёй, а сам объект был не местом, а черновиком места, вымаранным из истории. Тогда для Кристины это была просто странная старая надпись. Она взяла катушку в руки. Та была тёплой. Живой. Как будто только что лежала у кого-то на коленях, согретая дыханием.

Она позвонила Вере, старшей сестре.

— Вера, у мамы нашлась какая-то старая катушка. Синяя изолента, старая этикетка. Ты не знаешь, что это?

— Синяя? — спросила Вера слишком быстро.

— Да. И она тёплая.

— Я не знаю, что на ней. И знать не хочу. Выбрось, Кристина. Не трогай её.

— Ты не хочешь послушать?

— Нет. И тебе не советую.

— Хорошо.

Кристина не выбросила. Она сунула катушку в пакет с книгами, которые собиралась отвезти в церковь. А потом забыла. Пакет простоял в прихожей три дня. На четвёртый Кристина, убираясь, наткнулась на него. Катушка снова была тёплой. И пакет был завязан узлом, который Кристина не завязывала.

В среду она решила послушать. Нашла на антресолях старый магнитофон матери. «Яуза-10», катушечный — тяжёлый, в деревянном корпусе, с зелёным глазком индикатора. Мать любила старую технику. Кристина помнила, как мать сидела в кресле, надевала наушники, закрывала глаза и слушала что-то. Что именно — Кристина не знала. Мать не говорила. Она только улыбалась. И шептала: «Тихо как».

Кристина зарядила катушку, надела наушники, нажала «Пуск».

40 минут тишины.

Кристина сидела, слушала, смотрела в одну точку — на пыльный фикус, так и не выкинутый после матери. Ей казалось, что в тишине есть что-то ещё. Не звук — присутствие. Тяжёлое, холодное, невидимое. Оно стояло за её спиной и задерживало дыхание, боясь спугнуть.

На 41-й минуте — шёпот.

— Ты здесь? — спросил голос. Тихий, далёкий, как с другой стороны огромного пустого зала.

Кристина вздрогнула. Сняла наушники. В комнате было тихо. Но эта тишина была другой — наполненной. Как будто кто-то стоял за её спиной и ждал. Она медленно повернулась.

Никого.

Но на левом запястье горели три бледные точки. Они зудели. Кристина потёрла их — не смываются. Кожа под ними была горячей, чуть прозрачной, и внутри будто шевелилась не боль, а ожидание.

Кристина не спала в ту ночь. Сидела на кухне, включив весь свет. Боялась закрыть глаза. Ей казалось, что в углах комнаты кто-то стоит — там, где кончался свет лампы и начиналась мягкая темнота, кто-то замер, вытянувшись во весь рост.

Ночью она слышала шаги.

Босиком, по коридору. От двери к кухне, от кухни к спальне. Мягкие, шаркающие, неторопливые. Кто-то ходил по её квартире. Кристина замерла. Край кровати прогнулся. Кто-то сел рядом — тяжёлый, много весящий, хотя невидимый.

Холодные пальцы легли на её лицо. Шершавые, длинные, с острыми ногтями.

— Тш-ш-ш, — прошептал голос. Мамин.

Кристина хотела закричать — не смогла. Горло перехватило, будто удавка.

— Сядь, Кристина, — сказал голос. — Сядь на стул.

Она открыла глаза. В углу комнаты стоял стул. Она не помнила, чтобы он там был. Обычный, деревянный, с высокой спинкой — такие в хрущёвках не ставили. Сиденье продавлено — глубоко, до досок. Тёплое, из-под сиденья вился тонкий пар. На спинке царапина, выведенная ногтем или гвоздём: «Слушай».

Пальцы гладили её лицо — щеку, подбородок, сомкнутые губы.

— Сядь, — повторил голос. — Места много. Всегда много.

Кристина встала. Ноги не слушались, но она шла — как на верёвке. Подошла к стулу. Стул был тёплым, живым — она чувствовала под ладонью, как пульсирует дерево. Она села.

Тишина стала плотной, густой, как вода в ванне, когда зажимаешь уши. Кристина слышала своё сердце — стук, стук, стук. Медленнее, глуше, тяжелее.

— Не бойся, — шепнула Тишина. — Я рядом. Всегда рядом. Я никогда не уйду.

Кристина улыбнулась.

Почти три дня она сидела на стуле. Не ела, не пила. Не ходила в туалет. Смотрела в стену. Слушала. Муж нашёл её утром второго дня — сидит, улыбается, не отвечает. Вызвал скорую. Врач сказал: «Нервный срыв, нужна госпитализация». Потом добавил: без психиатрической бригады и полиции силой её не повезёт. Когда санитары попытались поднять Кристину, она вцепилась в спинку стула так сильно, что побелели пальцы. Муж испугался, подписал отказ — «вечером уговорю». Вечера у них уже не было. Кристина осталась на стуле.

Муж стоял в прихожей с курткой в руках, бледный, злой от бессилия. Сказал: «Я не могу опять брать отгул. У меня суточная смена. Деньги нужны сейчас. Врач сказал — срыв, не сердце. Вечером уговорю». И ушёл, ненавидя себя ещё до того, как закрыл дверь.

На третий день позвонила Вера. Услышала в трубке странную тишину — не ту, когда никто не отвечает, а ту, когда кто-то слушает, но молчит.

— Кристина? Ты там?

Кристина не ответила.

Вера приехала через час. Дверь была не заперта — муж, уходя на смену, не захлопнул её до конца. Может, торопился. Может, хотел, чтобы кто-нибудь вошёл и сделал за него то, на что у него не хватило сил.

— Кристина? — позвала Вера.

Тишина.

Вера прошла в спальню. Кристина сидела на стуле, лицом к стене, с открытыми глазами. На губах — застывшая, странная улыбка, будто она видела что-то прекрасное там, куда смотрела.

— Кристина, — сказала Вера.

Кристина не ответила. Вера тронула её за плечо. Тёплая, живая — но не откликается. Похожа на себя. Вера потянула — Кристина упала. Медленно, как подрубленное дерево. Глаза смотрели в потолок. Улыбка не исчезла.

На стене, за её спиной, бурой влажной полосой было выведено одно слово: «Вера».

Вера закричала.

Она кричала долго, пока не охрипла. Потом вызвала скорую. Потом полицию. Потом сидела на кухне, смотрела на кружку с недопитым чаем Кристины — остывшим, с плёнкой на поверхности — и ждала, когда всё кончится.

Кристина не слышала. Она была уже в тишине.

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ. ДО

Глава 1. Жизнь до

За месяц до смерти сестры Вера сидела с подругой Катей в баре. Пили вино, смеялись, жаловались на жизнь.

— Я ему говорю: «Серёжа, ты невыносим». А он: «Это ты невыносима, потому что не умеешь молчать».

Катя засмеялась. Вера тоже.

Катя, как всегда, навела порядок даже в мелочи: сняла с блюда тонкую полоску апельсиновой кожуры, свернула её в аккуратную спираль и положила рядом с бокалом. Вера дразнила её за эту привычку — будто мир можно было удержать, если складывать кожуру правильно.

— Ты жестокая.

— Я честная.

Вера допила бокал. Вино было терпким, оставляло на языке привкус вишни. Она смотрела на снег за окном, на фонари, на людей, которые шли по улице, не зная, что через месяц она будет бояться собственной тени.

— Иногда мне кажется, если станет совсем тихо, я просто перестану быть, — сказала Вера и сама удивилась, что произнесла это вслух.

Катя посмотрела на неё поверх бокала.

— Это из-за мамы?

Вера кивнула. Подробности говорить не стала. Подробности жили в другой комнате памяти — там, где не включали телевизор и не хлопали дверьми.

— Сейчас я работаю с голосами, — сказала она. — Наверное, это мой способ не проверять, что будет, если вокруг совсем замолчит.

Она вышла из бара, поцеловала Катю в щёку. Улыбнулась. Не знала, что это была последняя лёгкая улыбка из той жизни, где тишина была просто отсутствием звука.

Глава 2. Работа

Вера работала аудиокриминалистом восемь лет.

Её кабинет — маленькая комната без окон, заставленная аппаратурой: старые катушечные магнитофоны, новые цифровые рекордеры, спектрографы, десятки наушников на вешалке у двери. Пахло здесь озоном, нагретым пластиком и растворимым кофе.

В утренние часы она чистила записи с камер наблюдения — вырезала шумы, поднимала частоты, пыталась разобрать обрывки фраз в вещественных доказательствах. Иногда получалось, иногда нет. Самое сложное дело — глухой свидетель, который показал на допросе одно, а на плёнке — другое. Вера тогда потратила три дня, чтобы доказать: запись смонтирована. Следователь был благодарен, адвокат — в ярости.

Обедала она за своим столом, глядя на монитор. Костя, стажёр, приносил ей чай в кружке с треснувшим краем. Они болтали о пустяках — о погоде, о новостях, о том, что в буфете снова дают пересушенные сосиски.

Костя стеснялся своей стажёрской бесполезности. Чай, распечатки, папки, мелкие поручения — всё это бесило его сильнее, чем он показывал. Ему хотелось однажды принести Вере не чай, а ответ.

— Вера Андреевна, — спросил Костя однажды. — Вы никогда не хотели уйти из криминалистики? Не тяжело слушать всё это?

— Привыкла, — ответила Вера. — Это как лекарство. Горькое, но привыкаешь.

— А страшно бывает?

— Страшно — когда тихо. А здесь всегда шумно.

В тот вечер ей принесли не катушку, а папку по смерти Кристины: фотографии стены, протокол осмотра, заключение врача с пустыми формулировками. «Остановка сердца. Следов насильственной смерти не выявлено». Вера закрыла папку и впервые за восемь лет работы не захотела надевать наушники.

Глава 3. Флешбэк. Мать Веры

Детство Веры было тихим. Слишком тихим.

Мать оглохла после тяжёлых родов — врачи сказали: необратимо. С тех пор в их доме не звучало музыки, не работал телевизор. Мать не слышала ни звонков в дверь, ни плача Веры в младенчестве. Она научилась читать по губам, но предпочитала жесты.

Вера выучила язык жестов раньше, чем русский. Помнила, как мать показывала ей: «вода», «хлеб», «люблю». Жест «люблю» — скрещённые пальцы на груди, у сердца.

Но когда Вере было семь лет, мать перестала показывать этот жест.

Она начала слышать то, чего не было.

— Ты слышишь? — шептала мать, сидя на кухне, глядя в одну точку на стене.

Вера прислушивалась — тишина, только трубы отопления слабо гудят.

— Мам, там ничего нет.

— Есть. Иди сюда. Послушай.

Вера подходила, прижималась ухом к стене. Холодный бетон, запах старых обоев. И ничего.

— Не слышу, мам.

— Будешь. Когда вырастешь. Она всем нам скажет. Ты просто ещё маленькая.

Вера не понимала. Она боялась не стены — боялась маминых глаз, остановившихся, будто там, за стеной, было что-то, что Вера не могла увидеть, но оно существовало.

Через месяц Вера нашла мать в спальне. Сидела на полу, прижавшись спиной к стене. На руках — кровь. Ногтями она выцарапала на левом запястье три точки. Треугольник. Кожа была содрана до мяса, до белого.

— Я пыталась вытащить их, — сказала мать. — Они сидят под кожей. Я чувствую, как они шевелятся.

— Мам, там ничего нет. Поехали в больницу.

— Они не уйдут. Они ждут. Они всегда ждали.

Вера вызвала скорую. Мать увезли в психиатрическую клинику. Диагноз: шизофрения, слуховые галлюцинации, паранойя. Врачи сказали: наследственное.

Вера навещала её каждый день. Мать сидела на кровати, смотрела в стену и шептала: «Слышишь? Они всё ещё здесь. Они не уходят. Только тише стали».

Через месяц мать умерла. Остановка сердца. Врачи сказали: «Врождённый порок». Вера не поверила. На левом запястье матери были старые шрамы — но в морге Вера увидела на них новую свежую печать. Как будто кто-то выжег её лазером.

Она спросила патологоанатома.

— Ожоги, — ответил тот. — Высокотемпературные.

— Чем можно выжечь три точки на коже?

— Не знаю. Лазером, наверное. Но у нас в морге лазера нет.

Вера забрала из клиники вещи матери: халат, очки, расчёску с редкими седыми волосами. Катушки среди них не было — и именно это потом пугало её сильнее всего. Вера помнила, как мать перед больницей сидела в кресле с наушниками, улыбалась и шептала: «Тихо как». Именно это было страшнее всего: мать не слышала дверного звонка, но сидела в наушниках, будто там звучало что-то, предназначенное только ей.

После похорон Вера помогала Кристине закрывать квартиру. Они вынесли мусор, сложили посуду в коробки, но до антресолей не добрались. На кухонном столе не было ничего, кроме засохшей чайной полосы и старой клеёнки. Если катушка когда-то лежала там, к похоронам она уже ушла. Вера решила, что Кристина её выбросила; Кристина потом думала то же

самое про Веру. Никто из них не знал, что вещь просто ушла выше — в темноту антресолей. Кристина сказала: «Потом». Это «потом» растянулось на двадцать лет.

Вечером Вера всё-таки позвонила сестре.

— У мамы была какая-то старая катушка. Ты не знаешь, что на ней?

— Не знаю. Но она часто её слушала. Перед больницей. Говорила, что там голоса.

— Ты слушала?

— Нет. Боялась.

— Если найдёшь — не слушай. Сразу выброси. Лучше сожги.

— Хорошо, — сказала Кристина.

Она не сожгла. Катушка лежала на антресолях двадцать лет, в темноте, среди ватных Дедов Морозов и журналов «Работница». Ждала, пока кто-нибудь снова назовёт её вещью.

ЧАСТЬ ВТОРАЯ. ТИШИНА ПРИХОДИТ

Глава 4. Катушка

После смерти сестры катушка оказалась в сумке Веры сама. Она не помнила, когда положила её туда. Может, в тот день, когда убирала квартиру Кристины. Может, позже. Может, катушка просто решила, что пора.

Дома Вера долго смотрела на неё. Синяя изолента, обгоревшие края, этикетка, которую уже не прочесть — только дата и название скважины. Она поставила катушку на полку. Через час она стояла на столе. Вера переложила в ящик — через два часа катушка лежала на подушке. Тёплая.

— Ты чего хочешь? — спросила Вера.

Катушка молчала. Вера поговорила с пустотой. Потом вышла на кухню, сварила кофе. Вернулась — катушка стояла на краю кровати, на том месте, где обычно спала Вера под подушкой.

Вера сдалась. Нашла в шкафу старый служебный магнитофон — списанную «Яузу-10», которую когда-то забрала из лаборатории для ремонта. Почистила головки, смазала механизм. Вставила катушку, надела наушники, нажала «Пуск».

40 минут тишины.

Вера подключила выход магнитофона к старому рабочему ноутбуку и смотрела на ровную линию спектра. Ни звука. Даже шума ленты не было — абсолютный ноль. Она прибавила громкость. Ничего. Перемотала на начало. Снова 40 минут тишины.

Профессиональная часть её сознания, та, что восемь лет вытаскивала слова из грязи и помех, сразу сказала: так не бывает. Любая старая плёнка шуршит, дышит, трётся о головку. Здесь был не ноль — здесь было место, из которого звук вырезали вместе с воздухом.

На 41-й минуте — шёпот.

— Ты здесь? — сказал голос.

Вера сняла наушники. В комнате было тихо. Но эта тишина была другой — наполненной. Как будто кто-то стоял за её спиной и задерживал дыхание, боясь выдать себя. Она медленно повернулась.

Никого.

Но в углу стоял стул. Вера не помнила, чтобы он был у неё: деревянный, с высокой спинкой, чужой даже по тени. За час он оказался ближе к кровати — метра на полтора, не меньше. Сиденье было продавлено, будто кто-то уже сидел и только что встал.

На левом запястье горели три бледные точки. Кожа под ними была горячей. Вера потрогала их — под пальцами что-то пульсировало.

— Аллергия, — сказала Вера.

Тишина не ответила.

Глава 5. Первая ночь

Вера проснулась. Телефон показывал 03:14 — и время застыло на этой цифре.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.